

10. Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940—1950) / за ред. В. Сергійчука; Ін. — т нац. державознавства; Галузевий державний архів Служби безпеки України. У 2 т. Т. 1. — Київ: ПП Сергійчук М.І., 2007. — 640 с.: іл., фото.
11. У лавах дружинників: спогади учасників / вид. Дружин Українських Націоналістів (ДУН); мат. зібрав і впорядкував М. Кальба. — Денвер: Бібліотека Ірени і Григорія Пеленичків, 1982. — 160 с.: іл., фото.
12. Филиппева (Докиш) Ульяна Фёдоровна, 1919 г. р., д. Боровка, 08.05.2011 // Личный архив атора.

Гребень Е.А.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЛЕПЕЛЬЩИНЕ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

По состоянию на 18.03.1943 г. на территории Лепельского района проживало 45354 чел. (4257 чел. в г. Лепеле). На территории района насчитывалось 8224 хозяйства, в которых было 4875 лошадей, 7472 коровы, 13351 овца, 6311 свиней, 38166 га пахотной земли, 1075 га садов, 4851 га огородов, 8500 га лугов, 54723 га лесов. 6681 га использовалось под посевы озимых культур, 7236 га яровых, 4325 га картофеля, 1324 га льна. Средняя урожайность ржи составила 4,65 ц. с гектара, 63,87 ц. картофеля, 1,6 ц. льносемена [1, л. 147—148, 153—154].

В городе было зарегистрировано 66 кустарей, некоторые из которых работали при германских воинских частях [2088, 2, л. 143—144]. На территории района имелось 93 кустаря, из которых 3 гончара, 20 мастеров по изготовлению деревянной посуды, 11 колесников, 23 кузнеца, 16 мастеров по изготовлению саней, 10 сапожников, 7 портных, 2 мастера по изготовлению половых щеток, 1 мастер молотбы со своей ручной молотилкой [1, л. 144]. С владельцев магазинов, киосков, ларьков и других помещений, в которых велась торговля, уплачивался сбор 1200 руб. в месяц, торговцы, постоянно торговавшие с базарных

столиков, платили 900 руб. Разовый рыночный сбор с граждан, торгующих с саней составлял 15 руб. в день, с ручных тележек, санок, лотков — 10 руб., при продаже с рук — 5 руб. Сбор не взимался с граждан, имевших патент на торговлю, размер которого составлял 75—100 руб. на сезон. За беспатентную торговлю и занятие ремесленной деятельностью полагался штраф [1, л. 115].

18.02.1942 г. на территории «Центр» был обнародован Предварительный ремесленный порядок. В документе отмечался дефицит товаров народного потребления как результат ликвидации в период боевых действий большинства предприятий, производящих эту продукцию. Предписывалось регистрировать уже существующие и вновь открываемые ремесленные предприятия в промышленных отделах районных управлений, где ремесленников вносили в особый список. Зарегистрированный ремесленник имел право на получение продуктового пайка для работающего населения. В некоторых случаях зарегистрированные ремесленники были обязаны сдавать установленное количество продукции на склад по установленным промышленным отделом ценам. В случае не сдачи государству оговоренного объема продукции регистрация ремесленника могла быть аннулирована, а он сам назначен на работу [2, л. 8].

Сохранились данные по снабжению жителей г. Лепеля продуктами. В октябре 1942 г. существовали следующие нормы продуктов питания, выдаваемые по карточкам. В зависимости от категории (трудоспособные граждане, иждивенцы) в сутки выдавалось от 70 до 220 гр. хлеба, 5—16 кг. картофеля и 420—1200 гр. крупы в месяц. Помимо фиксированных норм продуктов, городская управа могла изредка выдавать некоторые виды продуктов исходя из их наличия. В декабре по некоторым категориям карточек планировалась выдача гороха [1, л. 145—146]. В городской столовой в апреле 1942 г. готовилось 1000 обедов, осенью того же года готовилось 300 обедов. Уменьшение количества обедов объяснялась начавшейся выдачей продуктов по карточкам, тогда как в апреле месяце выдача продуктов по карточкам не производилась. Согласно калькуляции, на каждое блюдо расходовалось следующее количество продуктов: 360 гр. картофеля, 180 гр. брюквы, 25 гр. муки, 21,6 гр. мяса [1, л. 146].

В сентябре 1942 г. было распространено распоряжение командующего тыловой зоной «О мерах пресечения, применяемых по отношению ко всем лицам, нарушающим законный порядок снабжения гражданского населения городов», согласно которому наказанию подлежали лица, сообщавшие властям не правильные сведения при распределении продовольственных карточек с целью получения продуктов более положенной нормы. Наказанию подлежали также граждане, занимавшиеся подделкой продуктовых карточек, или получавшие продукты сверх установленной нормы. В случае незаконного получения продуктов в особо крупном объеме, могла последовать смертная казнь. Наказанию, вплоть до смертной казни, подлежали сотрудники местной администрации, допускаявшие нарушения при распределении продовольствия. В случае утери продуктовых карточек, они не подлежали возобновлению, за исключением отдельных случаев, санкционированных местной комендатурой. Чиновники, нарушавшие данное распоряжение, подлежали наказанию, причем не только за факт нарушения, но даже за попытку обойти существующие правила [2, л. 28].

Помимо постоянной нехватки продуктов питания гражданское население испытывало дефицит в промышленных отварах. Некоторые граждане использовали довоенные запасы, кому-то удавалось выменять продукты на соль, спички, керосин, мыло на рынке в Лепеле. Промтовары периодически выдавались только сотрудникам местной вспомогательной администрации и полиции, остальное население обеспечивалось некоторыми видами дефицитных товаров очень редко. В августе 1942 г. местная комендатура выделила для раздачи крестьянам 25 тонн соли из расчета по 600 гр. на человека [3, л. 18 – 19]. Дефицитные товары можно было получить за сданную в ЦТО сверх обязательных поставок сельскохозяйственную продукцию. Владельцы пасек могли получать за 1 кг. воска 17 руб., при сдаче более 5 кг. – 1,5 кг. соли [4, л. 5].

Нацистская оккупация привела к резкому падению жизненного уровня населения, обнищанию многих граждан. В исключительно сложной ситуации оказались малообеспеченные категории граждан (пенсионеры, инвалид), чьи мизерные пенсии и

пособия обрекали их на полуголодное существование. Помимо тотального дефицита продуктов питания крайне проблематична была покупка промышленных товаров. Цены на них на черном рынке для абсолютного большинства граждан были недоступны, в государственных магазинах купить одежду и обувь было практически невозможно. В такой ситуации некоторые нуждающиеся граждане апеллировали к руководству районной управы с просьбой оказать помощь товарами (продать со склада по государственной цене либо выдать бесплатно), и таких прошений поступало множество. Гражданин в августе 1943 г. просил начальника районной управы выделить ему бесплатно 2 рубашки, сапоги, так как его доход инвалида в 150 руб. не позволяет их купить. Гражданин просил отпустить ему за наличный расчет рубашку и брюки. Обычно на прошения накладывалась резолюция начальника района «оказать помощь, если такая возможность имеется», однако по сохранившимся документам не всегда можно определить, чем заканчивалось дело [5, л. 72,74,75]. С подобными ходатайствами в районную управу часто обращались и сами сотрудники коллаборационной администрации, которые на фоне основной массы граждан были обеспечены намного лучше, и, тем не менее, тоже могли испытывать нужду в чем-либо. 18.08.1943 г. окружной фининспектор просил выдать ему белье и верхнюю одежду, так как на базаре по спекулятивным ценам он их купить не в состоянии. О продаже ему сапог просил даже начальник районной управы, который жаловался, что имеет только брезентовые сапоги, не годные к носке [5, л. 85, 86].

Заработная плата рабочим и служащим выплачивалась по довоенным ставкам, в то время как цены на продукты и товары увеличились в 5 – 10 раз. Исключение составляли цены на продукты питания, выдаваемые по карточкам, однако, продуктовые нормы позволяли горожанам владеть полуголодное существование. В городе существовал постоянный дефицит топлива, поскольку дрова со склада отпускались только предприятиям и учреждениям, выдачи населению носили спорадический характер и были мизерными. Лесхоз предлагал городской управе производить заготовку дров своими силами, но управа не имела для этого сил и средств.

На территории района существовали 3 государственных магазина, два в Лепеле и один в местечке Камень, которые продавали достаточный ограниченный набор товаров (соль, спички, скипидар, глиняная и стеклянная посуда, колесная мазь, мел, бондарная и кузнечная продукция) по ценам, утвержденным полевой и местной комендатурами. В магазины райторготдела передавались вещи, конфискованные у граждан, подозревавшихся в связях с партизанами [5, л. 35]. Частные магазины отсутствовали, и торговля производилась на рынке. Рынок в Лепеле работал по воскресеньям, куда крестьяне привозили сельскохозяйственную продукцию, сбывая ее по спекулятивным ценам или обменивая у горожан на промышленные товары [1, л. 149–150].

С первых дней оккупации жители Лепельщины привлекались к выполнению обязательной трудовой повинности. Уже с сентября 1941 г. от старост деревень и председателей колхозов требовалось высылать на дежурство подвод. Крестьяне обязаны были иметь при себе лопату, веревку и фураж для лошадей на все время дежурства, хлеб предполагалось выдавать из столовой за наличный расчет [6, л. 5]. К трудовой повинности привлекалась молодежь, начиная с 15-летнего возраста. Декларировалось привлечение подростков, не имеющих постоянных занятий, к работам в городах и крупных общинах под надзором представителей местной администрации. За уклонение угрожали принудительными работами [2, л. 6].

Каждый крестьянин, помимо работы по сельскому хозяйству, привлекался с 1942 г. к 6-дневным работам по ремонту коммуникаций и других объектов инфраструктуры. Трудовая повинность охватывала трудоспособных мужчин в возрасте от 17 до 50 лет и женщин от 17 до 45 лет со своей тягловой силой и инструментом. В случае, если отрыв от сельскохозяйственных работ не представлялся возможным, с разрешения начальника района разрешалась денежная компенсация по 15 руб. за человека / день и по 30 руб. за коня / день. От работ освобождались беременные женщины за месяц до родов и женщины, имеющие грудных детей, инвалиды, граждане, имеющие детей до 8 лет, если за детьми не было кому присматривать. При-

ведение в порядок дорог местного значения в трудгужповинность не засчитывалось [6, л. 66]. В 1944 г. возрастные рамки для граждан, привлекаемых к подобным работам, были расширены: для мужчин 14–60 лет, для женщин 14–55 лет.

Коневладельцы привлекались также к работам по обеспечению топливом гражданских и военных учреждений Лепельского округа. В январе–феврале 1944 г. (до наступления весенней распутицы) все коневладельцы должны были вывезти по 15 м³ дров на каждую лошадь. Уклоняющимся от работ угрожал штраф до 1000 руб. или ответственность по законам военного времени [7, л. 79]. Масштабы привлечения коневладельцев к гужевой повинности вынуждали последних использовать на работах жеребят, на что обратил внимание начальник Лепельского округа в своем приказе от 18.02.1943 г. Отмечалось, что на работах используются жеребята в возрасте полутора-двух лет, в результате они калечатся, отстают в развитии и выходят из строя как тягловая сила. Та же проблема фиксировалась и относительно жеребых кобыл, которых назначали на тяжелые работы, перевозку грузов на большие расстояния, в результате чего они абортывались. Начальник района запретил использовать на работах жеребят до достижения 3-летнего возраста и жеребых кобыл за два месяца до выжеребки и не ранее двух недель после (на протяжении этого периода разрешался только ежедневный выгул). Контроль за исполнением приказа возлагался на волостных бургомистров, нарушившие приказ подлежали наказанию [8, л. 30].

Требования биржи труда и районной администрации на рабочую силу периодически противоречили планам волостных бургомистров, которые не были заинтересованы в отрыве рабочих рук от общинных хозяйств и часто заполняли квоты больными и стариками, тогда как биржа труда требовала от волостной администрации поставлять полноценную рабочую силу 18–45 лет, половина из которых должны были быть квалифицированными специалистами. Требования на рабочую силу поступали от конкретных предприятий. Распоряжением районной управы бургомистру Пышнянской волости предписывалось выделить по 7 женщин с каждой общины в распо-

ряжение директора известкового завода на период с 28.09 по 28.12.1942 г. [9, л. 22].

В июне 1943 г. минимальный возраст граждан, привлекаемых к повинности, понижался до 14 лет, проводилась интенсификация трудовых ресурсов. Работодатели обязывались предоставлять бирже труда сведения о работающих не по специальности, что в дальнейшем давало возможность перераспределять рабочую силу. Аналогичная информация предоставлялась по холостым рабочим, которых можно было использовать за пределами места жительства. Их рекомендовалось заменять частично трудоспособных граждан [2, л. 62].

Доходы райуправы формировались за счет подушного налога и налога на владельцев собак, а также налога на постройки в г. Лепеле и штрафов (за самовольную порубку леса, не выполнение распоряжений оккупационных властей). Натуральные налоги в виде военных поставок продуктов питания и сборов шерсти, полотна и передавались сельскохозяйственной комендатуре. Натуральные налоги по некоторым видам продукции были выше довоенного уровня. Например, с коровы собиралось 300 л. молока в год вместо 120 довоенных. Если до войны горожане, державшие коров, освобождались от натурального сбора, то теперь приходилось сдавать молоко наравне с крестьянами, что еще более усложняло ситуацию с продуктами питания [1, л. 134 – 135].

18.02.1942 г. на территории тыловой зоны было издано Временное постановление о налогах, действовавшее до конца оккупации. Подушным налогом облагались все сельские жители в возрасте 15 – 65 лет. Подушный налог в размере 150 руб. в год уплачивался бургомистру волости, в случае неуплаты начислялась 10 % пени. Уменьшение или освобождение граждан от уплаты подушного налога допускалось в отдельных обоснованных случаях с разрешения начальника района. От уплаты налога освобождались сотрудники полиции, вдовы погибших полицейских и сотрудников коллаборационной администрации. Родители этих же категорий граждан могли освобождаться от уплаты налога в случае, если их родственники ранее их содержали [2, л. 42 – 43].

В рамках военного сбора по продуктам животноводства на 1943 г. на 1943-й сельскохозяйственный год (1.09.1943 г. – 31.08.1944 г.) сдача мяса рассчитывалась впредь только по убойному весу, который составлял 40 % от живого веса крупного рогатого скота, 50 % веса телят и 70 % веса свиней. Предписывалось сдавать на мясо скот, не пригодный для племенного разведения, что, по логике немцев, должно было способствовать поддержанию снизившегося поголовья скота в крестьянских хозяйствах. Мерой по стимулированию выращивания молодняка (при доказанном факте выращивания) являлись скидки по сдаче молока и зерновых. Крестьянам объяснялось, что свиноводство имеет важное значение, так как ни одно домашнее животное не растет так быстро и так выгодно не выкармливается, как свиньи. Для военного сбора необходимо мясо, поэтому увеличением поголовья свиней предполагалось компенсировать снижение поголовья крупного рогатого скота.

На 1943-й сельскохозяйственный год вводились обязательные поставки мяса птицы в размере 4 кг. с крестьянского хозяйства, вес кур должен быть не менее 1 кг., гусей – 4 кг. Вводились поставки 200 яиц с каждого хозяйства, для больших хозяйств размеры поставок мяса птицы и яиц могли быть увеличены. Размер поставок меда с хозяйств, имевших пасеки, устанавливался в 2 кг. с каждой пчелиной семьи. Важность разведения пчел оккупационные власти объясняли тем, что в ходе военных действий были разрушены многие сахарные заводы. До 31.07.1943 г. объем поставок молока был установлен в среднем в 150 л. с каждой коровы. На следующий хозяйственный год устанавливалась норма в 300 л. с коровы, жирность молока должна была составлять 3,7 %. При сдаче молока более низкой жирности объем поставок увеличивался. Снижение объема поставок на 100 л. молока и 50 кг. зерновых на теленка и 50 кг. зерновых на жеребенка допускалось для хозяйств, добровольно выращивающих жеребят и телят. Для получения скидки старосты общин составляли протоколы и представляли их районному земельному управлению [2, л. 58 – 58 об.].

Многие крестьяне не имели возможности рассчитываться по обязательным поставкам из-за реквизиций вермахта, полиции, поэтому обращались в окружную управу с просьбой уменьшить или отменить налог. Для рассмотрения просьб при окружной управе в 1943–1944 гг. действовала специальная комиссия. Например, 5.02.1944 г. 5 граждан были освобождены от натуральных поставок на 100%, 1 крестьянин на 80% зерновых и мяса, 1 – от 100% поставок всех видов продукции, кроме молока и мяса. В удовлетворении прошения еще одного гражданина было отказано, поскольку родственник ушел в партизаны [10, л. 14–15].

Тяжелой повинностью была обязательная прокатка дорог, которые минировались партизанами, специальными катками, что приводило к подрыву на минах. На основании распоряжения местной комендатуры начальник Лепельского района 26.03.1943 г. обращал внимание волостных бургомистров на тот факт, что, несмотря на неоднократные указания (в 1942 г. четырежды!) о ежедневной прокатке дорог с 5 до 6.00 и с 12 до 13.00 такая работа не производится. В ходе проведенной 25.03.1943 г. жандармерией проверки было установлено, что прокатка дорог производилась только старостами дер. Островно и Бабча. В результате бургомистров вновь обязывали ежедневно производить прокатку дорог тремя катками в шахматном порядке трижды в день: 6.30–8.00, 12.00–13.30, 16.30–18.00. Старосты за неисполнение распоряжения были приговорены к 14-дневным принудительным работам, бургомистры Каменской и Лепельской волостей получили выговор [8, л. 45].

На основании распоряжения немецкого командования от 18.12.1942 г. на территории Лепельского округа началась заготовка валенок, шерсти и овчин для нужд вермахта. Поскольку изъятие этой продукции производилось сотрудниками полиции, часть валенок и овчин конфисковывалась ими в свою пользу, в результате чего некоторые волости не выполнили поставки в полном объеме. В разное время население региона принуждалось также сдавать для нужд вермахта колючую проволоку, сани, конский волос [11, л. 11].

В Лепельском районе оккупационные власти размещали гражданское население, эвакуируемое из прифронтовой полосы или партизанских зон. 23.03.1943 г. был обнародован адресованный всем крестьянским общинным хозяйствам приказ германского Главного земельного управления, касавшийся размещения и обеспечения продовольствием населения, эвакуированного из зоны боевых действий [2, л. 56–56 об.]. Летом 1943 г. на территории района насчитывалось 446 беженцев в 8 из 13 волостей и 539 беженцев в Лепеле, всего 985 чел., проживало 1426 отпущенных из плена красноармейцев (1306 по волостям и 120 в Лепеле) [1, л. 124–125]. Эвакуированное население распределялось по деревням в немецком тылу, и должно было находиться там до того момента, пока немцы не вернут себе оставленные районы. Обеспечение эвакуированного населения возлагалось на крестьянские общинные хозяйства. Предписывалось размещать эвакуированных в бывших колхозных постройках, имевших жилой вид, в иных случаях распределять по домам крестьян. Питание эвакуированные должны были получать из организованных общественных кухонь или от крестьян, в чьих домах они проживали. Поставляемые крестьянскими общинами для этих целей продукты могли зачисляться в военный сбор или оплачиваться деньгами или премиями как за сданную сверх военного сбора продукцию при условии документального подтверждения поставок [2, л. 56]. Для облегчения обеспечения эвакуированных продуктами им также могла быть предоставлена земля и помощь со стороны общин семенами и вспашкой. Урожай с этих наделов засчитывался крестьянской общине в качестве военного сбора, поэтому о выделении земель необходимо было сообщать районному земельному управлению до 31 мая текущего года [2, л. 56 об.].

Естественно, что тотальный дефицит продуктов питания и товаров, налоговый гнет и обязательная трудовая повинность вызывала негативную реакцию местного населения, ярко проявлявшуюся в массовом партизанском движении в Лепельском районе. Если в 1942 г. коллаборационная администрация (которая контролировала незначительную часть района) отмечала единичные случаи саботажа со стороны местного населения, то

позднее констатировалось массовое не выполнение гражданами распоряжений оккупационных властей [1, л. 128].

Литература и источники

1. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2.
2. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1.
3. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 51.
6. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 81.
7. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 26.
8. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАВО. Ф. 2089. Оп. 1. Д. 2А.
11. ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22.

Давидовская О.Н.

РУКОПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ ПАРТИЗАН БРИГАДЫ «ДУБОВА» И ЛЕПЕЛЬСКОЙ БРИГАДЫ ИМ. СТАЛИНА В ФОНДАХ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В годы немецко-фашистской оккупации на территории Лепельского района вели боевые действия около двух десятков партизанских отрядов и бригад [18; с.151]. Особое место в их числе занимают бригада «Дубова» и Лепельская бригада им. Сталина. Первая из них, созданная летом 1942 г., была закреплена за Лепельским районом и подчинялась Лепельскому РК КП (б) Б. 1 июля 1943 г. бригада «Дубова» была разделена на две партизанские бригады — «Дубова», которая передислоцировалась в Чашникский район, и Лепельскую бригаду им. Сталина, которая осталась базироваться на Лепельщине [18; с.153, 156]. Исследователями темы партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Лепельского района собрано и проанализировано большое количество

документов, фотографий, произведений литературы и искусства, связанных с деятельностью этих партизанских формирований. Не менее интересным и важным представляется изучение таких источников, как партизанские боевые листки и газеты. Подобные издания содержат ценный фактический материал по истории создания отдельных партизанских формирований, дают представление о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и повседневной жизни в партизанских взводах, отрядах, бригадах Лепельского района.

В фондах Витебского областного краеведческого музея хранится 5 боевых листов и 6 партизанских газет, выпущенных партизанами бригады «Дубова», а также 2 боевых листка и 2 газеты Лепельской бригады им. Сталина. Несмотря на то, что общая численность этих рукописных изданий небольшая, они имеют важное значения для изучения деятельности партизан на территории Лепельщины.

Поступление боевых листов и газет бригады «Дубова» и Лепельской бригады им. Сталина в фонды музея осуществлялось в два этапа — в 1945 и 1948 гг. Эти предметы были переданы из отдела агитации и пропаганды Витебского обкома партии, а также из Витебского обкома комсомола.

Бо льшая часть партизанских рукописных изданий не имеет письменно зафиксированной даты создания (9 из 15). Датировку этих боевых листов и газет можно определить приблизительно, анализируя содержание заметок в них. Так, информация в газете «Гвардеец» № 1 (отряд № 13 Лепельской бригады им. Сталина), содержащая сведения о боях, которые «... ведет сейчас Красная Армия... на Орловском, Курском, Белгородском направлениях...», позволяет предположить, что газета была создана в июле-августе 1943 г. Кстати, это самое раннее рукописное издание партизанских бригад Лепельщины. В нем говорится также о включении в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками партизан, о необходимости их военной подготовки в партизанских лагерях. Отдельные заметки первого выпуска газеты «Гвардеец» посвящены изучению бойцами отряда № 13 оружия и надлежащему ответственному отношению к нему, «бдительному несению кара-